

Элина Градова

Последний
мужчина

18+

Элина Градова

Последний мужчина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73355037

SelfPub; 2026

Аннотация

В 22 веке мир охвачен таинственной MADRE-пандемией, разделившей его на процветающие плавучие города и материковые колонии, погруженные в хаос и разруху. Страшный вирус лишил мужчин разума, оставив женщинам право управлять миром.

Нелли Свирская, талантливый вирусолог находит донора – мужчину, который подходит для создания вакцины. Между героями возникает неожиданное влечение, но убедить Тима стать подопытным, оказывается нелегкой задачей, особенно учитывая другие препятствия, которые им предстоит преодолеть.

В исчезающем мире, где вопрос о выживании стоит на первом плане, любовь начинает пробиваться сквозь тьму. Но чем завершится этот непредсказуемый путь?

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	11
Глава 3.	17
Глава 4.	22
Глава 5.	28
Глава 6.	33
Глава 7.	38
Глава 8.	43
Глава 9.	48
Глава 10.	53
Глава 11.	60
Глава 12.	65
Глава 13.	70
Глава 14.	76
Глава 15.	81
Глава 16.	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Элина Градова

Последний мужчина

Глава 1.

*Если мир упал тебе на плечи,
И одной уже не удержать,
Верь, найдётся тот, с кем станет легче,
Жить, творить, бороться и дышать.*

*Кто внезапно, просто без причины
Встанет рядом и, почувствовав плечо
Настоящего, надёжного мужчины,
Ты поймёшь, что выдержишь ещё!*

*Он не станет требовать награды.
И не скажет: за услугу заплати!
Просто будет где-то очень рядом
На тернистом жизненном пути!*

*Пусть всё сложно, на душе руины,
Смыслов нет, мир утонул во лжи...
Сердце настоящего мужчины
Ты в своих ладонях удержи...*

Три года назад

Я увидела его у реки. Именно такого, каким представляла. Настоящего. Он вышел из диких зарослей абсолютно неожиданно, так, что я даже не успела прикрыться, и просто замерла, как окаменела, в надежде, что не заметит. Поначалу план сработал.

Мужчина гораздо выше среднего роста, лет тридцати пяти по моим прикидкам, светлокожий, если не считать загара, статный, мускулистый, что отчётливо видно сквозь ткань ветхой рубашки и сильно потрёпанных джинсов, остановился, не доходя кромки воды, и начал раздеваться, весьма бережно снимая одежду и сбитые берцы. Открылся впечатляющий торс, под джинсами трусов не оказалось.

«Половые органы пригодны для совокупления» – констатировал мозг, словно я всё ещё заседаю в экспертной комиссии по отбору половозрелых самцов для Института воспроизводства. Организм, не очень давно преодолевший тридцатилетний рубеж, никогда не знавший, что такое половой акт с самцом, неожиданно подтвердил: «Я его хочу!» внезапно затвердевшими сосками и чем-то томительно-восхищённым, разливающимся из-под груди по всему телу, ускорением сердечного ритма, ставшего поверхностным дыханием.

Физиологию человека я знаю в совершенстве, но чтобы вот так среагировать?! Надо взять себя в руки, пока не поздно.

Тем временем, оголившись, человек пошёл в воду.

Я замерла и не дышала, не только боясь привлечь внимание, но в основном опасаясь спугнуть видение! Анатомически пропорционально сложенный, физически развитый достаточно гармонично, ничего лишнего, сухие мышцы. А лицо! Это настоящее мужское лицо, какие можно увидеть в музее восковых фигур в зале прошлого столетия, не изуродованное последствиями пресловутого MADRE-вируса! Нормальное!

Я нашла его! Урра! – всё во мне орало, но молча, так как вовремя прикусила язык. Сердце продолжало радостно сбивать тахикардией, желание кинуться к нему, потрогать, ощутить материальность, рвало на части, и с этим невозможно было ничего поделывать! Сейчас сработает сигнал датчика здоровья, если не уйму свой восторг.

Но он не унимался! Шутка ли! Целый год добиваться места в экспедиции на континент, чтобы доказать свою теорию учёному совету. И, как быть, если пришла к выводу исключительно логическим путём? А логика никому не показалась очевидна!

Но теперь-то утритесь, госпожи профессорши! Homo sapiens мужского пола существует! Вот он! Десяток шагов, и можно потрогать! Боже, мне просто необходимо его заполучить!

– Пиу! Пиу! – зазуммерил всё-таки, предатель! Видите ли, слишком высокий уровень дофамина в крови может дать ненужный гормональный всплеск. Конечно, зачем нужны

всплески? Всё должно быть ровненько, как у всех. И выше планки не прыгать!

Я тщетно пыталась заткнуть заботливый гаджет, но поздно.

Объект моего восторга тут же вскинулся на звук, и мы встретились взглядами. Он с изумлением принялся изучать меня, я его.

Не знаю, понравилось ли ему увиденное: женщина белой расы, по пояс голая, в непромокаемых штанах маскирующей расцветки и грубых башмаках на протекторной подошве. Волосы собраны в простой, порядком разъехавшийся, мокрый хвост, лицо без прикрас: обыкновенные серые глаза, прямой нос, не очень пухлые губы, словом, ничего выдающегося или запоминающегося. Да ещё и местами поцарапанное, со следами укусов насекомых.

А у него-то было на что посмотреть!

Взрослый половозрелый самец без признаков акромегалии: ненормально огромного носа или тяжёлого подбородка, отвисшей челюсти с выпадающим от избыточного размера языком, низких выпуклых надбровных дуг, отчего взгляд становится, как у дикаря. Без непомерно длинных рук ниже колена, с лопатообразными кистями, покривевших полусогнутых ног.

Статен, не сутул и не рукаст. Единственной неопрятностью выглядит небритое лицо и буйная поросль на груди, стекающая сужающейся дорожкой на плоский твёрдый живот и

ниже.

Взгляд, не подчиняясь никаким приличиям, скользнул вниз, хотя научный интерес был удовлетворён, ещё, когда он снял джинсы.

Вода лишь по колено доходила до мощных ровных ног, сплошь поросших тёмной растительностью, особенно густой ближе к паху. Там, в курчавых зарослях, призванных скрывать мужское естество, ничего, однако, не скрывалось. Хотя для науки, эта часть тела никого интереса не представляет, восхитительно было наблюдать, как под моим любопытным взглядом, она увеличивается в размерах, и упруго вздымается к животу!

Щёки залило жаром, от понимания, кому предназначается эта метаморфоза, горячая кровь прилила не только к лицу, но и туда, где никто ещё не бывал. Да и некому в наше время.

Несмотря на тугой узел, внезапно зародившийся внизу живота, беглым взглядом я оценила все внешние отличия объекта сразу. И поняла – ОН!

Для подтверждения гипотезы необходимо сделать тест-контроль на инфицированность, и, если окажется положительным, в чём я ни на минуту не сомневалась, но для чистоты эксперимента необходимо, то можно сказать: эта находка перевернёт мир!

– Ты кто? – в свою очередь спросил нормальный, спешно заходя вглубь по пояс и пряча всю пикантность, от которой

мне никак не удавалось отвлечься и, подозрительно буравя цепкими карими глазами. Он-то меня не искал.

Только сейчас сообразила, что надо бы тоже прикрыться, а то, не я одна провожу оценку внешности. Незнакомец явно уставился на мою грудь, и стало не по себе! Хотя, в нашем чисто женском мире топлес никого не удивишь. Нет, мы не разгуливаем по улицам с голой грудью, но переодеть майку можем вполне спокойно, не прячась от посторонних. Это, как снять панамку, а потом снова надеть. Но тут, под заинтересованным взглядом в придачу ко всем волнениям, затяжелела грудь, и стало неловко.

– Нелли, – ответила и тут же потянулась за одеждой, брошенной рядом на траву, – Нелли Свирская.

– Чужачка, – проворчал недовольно, а когда увидел футболку с характерной эмблемой ловцов, лицо исказила злая гримаса, – опять за дикими припёрлись!

– Я за тобой, – не привыкла плести интриги, всё по-честному.

Признание человека не обрадовало, нащупав что-то ногой, нагнулся и поднял из воды крупный камень, размером с кулак,

– Только дёрнись, башку снесу на раз!

Не рискнула. Хотя сумка с пистолетом-парализатором, буквально возле ног, но булыжник настигнет мою черепашку намного быстрее, чем оружие окажется в руках.

– И не вздумай заорать! – предостерёг, потрясая своим

орудием, – пока добегут остальные стервы, тебе будет уже всё равно!

– Я одна, – глупое, рискованное признание, но не воевать же с ним пришла, не в плен брать, – мы можем договориться!

Мне категорически необходимо с ним договориться. По нескольким причинам.

Глава 2.

Во-первых, он тот, кого я так долго и безуспешно искала! И, когда уже опустила руки, почти поверила, что моя теория о последнем нормальном мужчине, ошибочна, вышел ко мне сам!

Во-вторых, в данных обстоятельствах без него не выжить. Вымотавшись бесполезными плутаниями по дремучему лесу, заблудившись, несмотря на суперсовременную систему навигации, которая не желала функционировать в этой аномальной зоне, я начала осознавать всю глубину личного провала.

В конце концов, бросив бесплотные попытки подключить «Азимут», выползла на шум журчащих вод.

Места казались совершенно непроходимыми и, не ожидая никого встретить, я решила сделать привал, чтобы передохнуть и подумать над своим удручающим положением. Очень не хотелось пропасть без вести и так бесславно завершить знаменитую женскую династию Свирских, но всё шло к тому.

Выудив из рюкзака складную силиконовую ёмкость, спустилась к реке и зачерпнула до краёв. Тут хватит и напиться, и умыться. Обеззараживающая таблетка, издавая шипение и пузырясь, быстро растворилась в мутной воде.

Подождала, пока осядет взвесь и, разоблачившись по по-

яс, устроила себе водные процедуры. Уставшее тело щипало от укусов кровососущих и множества царапин, разъедаемых солью пота, а прохладная вода казалась земным раем, смытая усталость и зуд. Хотя, разумеется, я прекрасно знаю, где на этой планете истинный рай, и мне уже очень надо туда вернуться. Только вот в какую сторону идти?

Кой чёрт меня дёрнул оторваться от команды и попереться в эти дебри? Ловцы всегда находят вдоволь биоматериала на окраинах мёртвых городов, в какую бы сторону ни подались, но мне-то нужен особенный экземпляр! Такого на виду не сыщешь, он демонстрироваться не станет. Вот эта деструктивная, как мне уже начало казаться, логика и завела меня в непроходимую лесную чащобу.

Обмывшись и напившись, остатки воды опрокинула прямо на голову, дабы прояснить мысли и решить, что дальше.

Проанализировав запасы, пришла к неутешительному выводу, что концентрированного спец. питания едва хватит на обратную дорогу, да и то, если не плутать. Если уж совсем припрёт, пистолет имеется, патронов с парализатором полная обойма, так что дикие звери не съедят, и обеззараживающих таблеток для воды достаточно, но добывать пищу в дикой неэкологичной местности я пока не готова.

А сейчас нужна передышка, немного сна, и мозг настроится на продуктивную деятельность. Главное, без паники. Всё будет хорошо!

Я вообще-то сдержанная оптимистка, за что всегда к лич-

ному социальному рейтингу имею лишнюю сотню баллов. Но подумать, что удача выйдет мне навстречу буквально через пять минут, это даже не оптимизм, а прямо эйфория!

Которую герой моих научных грёз разделить по-видимому не спешил.

– Вали отсюда! Не, о чем договариваться! – и, теряя интерес, шагнул глубже в воду. Вот это он напрасно, у меня ведь и парализатор имеется. Только нужен живой мужик, а не утопленник, поэтому пришлось воздержаться от насилия. Интересно, «вали» – это значит, уходи?

Пока он шумно барахтался, намывал свою длинную спутанную гриву, полоскал рот, отчего меня коробило со страшной силой, там наверняка паразитов кишмя кишит, не говоря о бактериях, устроила себе мозговой штурм: чем зацепить этого недоверчивого хомо сапиенса.

Что такое женский флирт, как-то читала в прабабкиной книжке, чисто «по приколу» как она выражалась, но это ж полная дичь! Смеялась тогда, помню, до мокрых трусов! Томные вздохи и стрельба глазами! Жаль холостыми, вот если бы пулями со снотворным, это куда полезней!

И вживую никогда не видела, как кокетничают. Перед кем? Обезумевшими дикарями? А смысл? Кроме здорового семени, от них же ничего не нужно женскому полу.

И вот теперь, когда попался нормальный, оказалось, что той комичной науки очень не хватает. Что уж говорить о практике, когда с теорией не знакома.

Надо хотя бы попробовать придавить на жалость, может, сработает?

– Ты ещё здесь? – наконец-то обратил на меня внимание купальщик.

– А-а? – честно говоря, очень трудно удерживать образ умирающего лебедя, когда в двух шагах от тебя стоит полноценный голый мужик. Настоящий, не слабоумный и не урод, и не биор* (биоробот) на заказ, а именно такой, как в старых кинофильмах, которые иногда крутит наше инфовидение по ретро-каналу: мужественный, суровый, соблазнительный! И требует ответа!

Вместо этого, мой взгляд сфокусировался на его мокрых сосках, по кромкам ареол которых, курчавились волосы, но сами они были беззащитно открыты. Капельки воды, стекая по груди, собирались на тёмных горошинках, ненадолго повисали, а потом отяжелев, срывались вниз, чтобы дать собраться новым.

До невозможности захотелось не позволить упасть очередной, а поймать её губами в миге до отрыва, попробовать. Интересно, эта влага уже успела напитаться его запахом, вкусом кожи? Невольно облизнула верхнюю губу.

– Вали отсюда, повторяю! – грубое обращение выдернуло из грёз наяву, – И место это забудь! – похоже, я для него ценности, как женщина, не представляю. Футболку что ли снова снять?

– Я не могу валить! – схватила за лодыжку, импрови-

зируя на ходу, – оступилась, нога теперь болит. К тому же, «Азимут» не ловит, – в доказательство показываю мёртвый прибор.

– Ну, значит, сдохнешь, – бросил равнодушно, развернувшись ко мне тылом и зашагал к одежде.

Тыл у него тоже, что надо! Такая крепкая узкая задница – сплошные мышцы! И спина загорелая. И ручейки с волос тянутся, сходясь к позвоночнику, и струятся вниз... Чёрт! Лучше не смотреть!

Вообще, о чём только думаю? Вернее, почему не могу думать?! Нет бы что-то сделать, а я тут слюни пускаю, а надо...

А надо реветь!

Актриса из меня так себе. Лучше ещё раз диссертацию по вирусологии защитить, чем изображать трагедь, но это ж ради дела! Великого дела всей жизни! Для спасения человечества!

Как представила глаза наших женщин, теряющих своих детей, маленьких хорошеньких мальчиков, у которых нет шансов на нормальную жизнь, вообще, нет будущего, сладкие грёзы отошли на второй план, и горькие слёзы полились сами. Только шмыгать успевай погромче.

Оглянулся. Одетый уже, рубаху накинул, не застёгивая, джинсы облепили влажные бёдра, как вторая кожа. Чёрт! Реву, Неля! Хватит глазеть!

– Чего воешь? – всё-таки, отреагировал. Подошёл, – метров двести сумеешь проползти? – я ошалела,

– По-пластунски?!

– Ну, это тебе решать, – пожал плечами... широкими мужественными плечами, – навязалась тут на мою голову! – поднял рюкзак, – так и быть с поклажей помогу, но тащить бабу из облавы на себе, не нанимался.

– Я не из этих! – поспешила оправдаться, лишь бы не передумал, – у меня своя цель в экспедиции. Просто к ним прикрепили!

– Да не пизди! – не знаю, что это значит, но видимо что-то не очень хорошее, – короче, я пошёл, не отставай. Ждать не буду.

Пиздеть не стала, да и не знаю, как это делается. Подхватила и за ним. Хотя, трудновато это: изображать хромоту, не отставать, да ещё и кривить лицо от мнимой боли в ноге.

Но наука требует жертв!

Если бы я знала тогда, какими окажутся жертвы! Лучше бы сдохла, как он предлагал прямо у той реки, или утопилась!

Но я не знала. Не могла даже предположить...

Глава 3.

Настоящее время

Мне вернули его через три года. Три долгих года я не видала Тима, и этого оказалось достаточно, чтобы всё стало непоправимо. Я не сразу поняла это, даже заглянув ему в глаза. Сердце так радостно колотилось оттого, что дело слаилось, что не заметила чего-то очень важного. Ведь остались формальности, и мы снова будем вместе!

Внешне он казался прежним. Почти. Чистый, практически стерильный, никакой заразы, никаких дефектов. Готовый материал для экспериментов.

– Привет, Тим! – не могу скрыть радости, как только привели.

Хотела прильнуть в объятья, но в ответ молчание, и взгляд куда-то поверх моей головы. С его ростом легко глядеть так, чтобы не пересечься.

Понимаю... Вымаливать прощение придётся сто раз, но это потом. Пока не простит. Постараюсь объяснить, рассказать, что сделала всё возможное и даже сверх. Но сначала надо забрать его отсюда.

На нём только тёмно-синие бесформенные штаны, сидящие так низко, что дальше некуда, обнажающие нисходящие треугольником мышцы живота практически до лобка, что тут же отзывается во мне желанием, надёрнуть их повыше и

завязать натуго шнурок на поясе.

А ещё чёрная татуировка с номером и полная эпиляция тела. Таковы нормы гигиены в этом заведении. Исключение брови и ресницы. Голый череп с несколькими старыми шрамами, вероятно полученными раньше, чем он оказался в преисподней. Раньше у него была длинная тёмно-русая грива, небрежно разбросанная по плечам, либо забранная в хвост, стянутый обрезком кожи, и симпатичная борода.

Как ни странно, бритая голова Тима несколько не уродует. Наоборот, теперь, ни на что не отвлекаясь, можно сосредоточиться на чертах. Любимых чертах, которые в течение трёх лет я могла увидеть только на прежних фото в своём коммуникаторе.

Высокий лоб был открыт и раньше, заострённые скулы, довольно скульптурный для мужчины, прямой нос. Немного тонкие, в зарослях усов и бороды, казавшиеся не очень выразительными, губы, открылись чёткими поджатыми линиями. Почти квадратный, но не тяжёлый подбородок, тоже раньше терявшийся в густоте бороды, вполне гармонично завершает облик нормального мужчины.

Моего любимого мужчины, которого я почти потеряла. Но главное, глаза! Три года они глядели мне прямо в душу, не давая спокойно жить, думать, спать.

Пытливые, с каким-то мудрым прищуром, будто видит насквозь, и необычайно цепким взглядом, янтарно-карие с тёмными вкраплениями вблизи зрачка, в обрамлении пуши-

стых ресниц. Я так хорошо их запомнила, что теперь поразила разнице, они будто замерли, ничего им не интересно.

— Госпожа Свирская, — сопровождающая отвлекает от сравнений и воспоминаний, — необходимо оформить документы для передачи объекта, — и тут же растягивает виртуальную рамку перед моим носом.

Панель прозрачна, только текст выделяется. Множество пунктов убористого шрифта пестрят юридическими и биологическими терминами. Но я прекрасно владею скорочтением. Пока специалист поднимает вверх абзац за абзацем, выхватываю основное:

** Прививки и антипаразитарные мероприятия проведены с ресурсным запасом до 2130 года;*

*** Диагностика организма прогнозирует амортизационный ресурс до 2160;*

А вот это очень даже неплохо! Сколько ему будет? Лет семьдесят пять? Замечательно, с учётом того, что самцы в дикой природе дольше сорока не живут. Впрочем, вся эта статистика ничего не стоит, когда биообъект попадает на материк.

Опускаюсь глазами в конец договора. Перечитывать отчёты Института естественного воспроизводства нет смысла. Потому, что на самом деле, всё, что здесь творится, как раз, противоестественно. Но разве они напишут о себе, что-то негативное. Боже, как я была слепа, пока не столкнулась с этой поганой конторой в лобовую!

Последний пункт:

****Биологический объект под номером 987764 передан физически целым и невредимым...* – этого не отнять.

Чего-то не хватает. Пропустила, или не было упомянуто, – Информация о чипе? – это очень важно, – отключение произведено? Где протокол?

Все жертвы спермофермы, как в народе принято именовать сию неприступную цитатель с тремя контурам защиты, словно не НИИ, а тюрьма особого режима, подвергаются обязательной чипизации, но после того, как их отпускают на материк или, как принято говорить: во внешнюю среду обитания, в переводе на честный язык: выбрасывают отработанный шлак, вживлённый в мозг чип, отключается. Остаётся только метка на груди справа в виде татуировки с личным номером.

– Нет. Чип не отключён, – сопровождающая подаёт небольшой силиконовый футляр, при виде которого Тима передёргивает, что не ускользает от моего внимания, – вот пульт. Можете проверить функционал.

– Не будем! – знаю я их функционал, – не потребуется.

Как только выйдем за пределы этой тюрьмы для самцов, сама отключу. Открываю, рассматриваю абсолютно новенький дисплей, активирую, вывожу сетку панели в пространство, пробегаюсь взглядом и не вижу,

– Где кнопка отключения?

– Аннулирована, – лаконичный ответ, как приговор.

– Что значит «аннулирована?» А когда я закончу исследования, и придёт время выпустить его во внешнюю среду? – да не важно, я теперь решаю, когда! Сегодня же мой любимый мужчина станет свободным!

– Там есть кнопка «Полное отключение», но она требует дополнительных действий для активации, чтобы случайно не нажать, – сопровождающая порывается показать путь, останавливаю,

– Полное отключение – биологическая смерть объекта, как я понимаю?

– Верно, – и ничего не дрогнуло.

– Что это значит? Кто позволил? Почему удалена функция отключения чипа? Я подам на вашу корпорацию в суд! Если придётся, доведу дело до госпожи Президентши! – угрозы рождаются сами собой потому, что, – это беззаконие!

Но специалистка спокойна, как удав,

– Слишком слабое наказание за пять попыток побега и покушение на жизнь руководительницы отдела семясборки.

Глава 4.

– На Валецкую что ли? – это моя однокурсница. Хотя не особо пересекались. Мутноватая слегка, лабораторных лягушек, помнится, на занятиях очень любила резать, так мы ей были за это благодарны. Кому же охота? Они пищат не своим голосом, когда их кромсают. А так, обычная. Ну да, не повезло с работой. Хотя, как не повезло? Коммерческая структура, деньги хорошие... были.

Я сама до определённого времени подрабатывала у них в комиссии по отбору. Не то, чтобы нужда заставила, а в научных целях. Всё искала среди биообъектов здравомыслящие экземпляры. Чаще с этой Валецкой сталкиваться пришлось, чем во времена студенчества. Серая мышь, как говаривала про невзрачных девчонок моя яркая подруга Инга Ковальская, да ещё и родинка у неё такая мерзкая под носом, с волосками.

– Да, покушение на госпожу Тину Валецкую.

– Это что ж такое она должна была сделать? – главное, как в контакт могла вступить, если у них там шоу «За стеклом?»

Мне легендарная прародительница рассказывала про такую древнюю, как она выражалась, «приколюшку»: люди живут в аквариуме, а их снимают на потеху и демонстрируют через инфовизоры. Зрители с нетерпением ждут, когда они там поубивают друг дружку, взбесившись в замкнутом про-

странстве.

– Ничего сверх протокола, – а сама глаза отводит. Ладно, у Тима узнаю, за что он так с Валецкой.

Кошусь на любимого, стоящего неподалёку, вполне смирен, прекрасно слышит весь разговор, но как будто бы не здесь. Отрешённость полная.

Каким бы ни стал за три года взаперти, не верю, что этот человек может на кого-то покуситься. Слишком хорошо его помню.

– Не стоит терять время. Сделаю официальный запрос на перепрошивку, – смысл устраивать прения с обычным рядовым менеджером. Убраться бы поскорей отсюда. Набираю пароль цифровой подписи прямо на экране под договором передачи.

– Невозможно, – равнодушный ответ заставляет остановиться, – обязана предупредить, что при любом вмешательстве в программу, сработает функция «Полного отключения».

– То есть, вы сделали процесс необратимым?

– Ну, возможно, Вы найдёте на него управу, и эта кнопка, вообще, не потребуется.

– Не потребуется?! – еле сдерживаю гнев, – но когда он будет свободен, должен отключится чип, а не человек!

– Челове-ек? – сколько же едкой насмешки в этом слове, – Вы хотели сказать биообъект номер...

– Можете не тратить время на перечисление цифр! Его

зовут Тим!

Продолжаю набор кода, боясь поднять глаза на любимого. Он не может не понимать, что эти гады его приговорили, а орудие убийства теперь в моих руках!

Система подтверждает, что всё законно, и спустя несколько секунд, в моей руке оживает пульт, отчего мужчина дёргается, словно его толкнули. Читаю,

– Вывод объекта разрешён, – наконец-то! Игнорирую официальное прощание с сопровождающей, – пойдём, Тим! Срок твоего заключения истёк. Надо возвращаться к нормальной жизни!

Три года назад

Заседание учёного совета вышло коротким и заняло буквально пару часов, меня с него выставили ещё раньше. Вердикт коллегии был жёстким, самонадеянно-тупым, без права апелляции в высшие инстанции:

Биоматериал передать в Институт естественного воспроизводства, и далее использовать, согласно всем стандартам эксплуатации, без каких-либо исключений.

Это конец!

Нет смысла говорить, что для меня, как учёного – тупик в исследованиях и, по сути, поражение. Это всё вторично и третьично. Главное Тим! Но коллегии необходимы логические доводы.

Спокойная попытка возразить и призвать заседающих к здравомыслию, успехом не увенчалась. Пламенная речь о

том, что для мирового сообщества такое решение – регресс и тотальная деградация, и шанс восстановить утраченное, неуклонно стремится к нулю, оказалась никому не интересна! Не услышали или не захотели услышать.

Мне, свято верящей в идеальность нового мира, нанесли удар под дых! Позор для нашей высокоинтеллектуальной агломерации, не воспользоваться уникальной возможностью! Могли бы совершить глобальный прорыв, победив пагубное влияние MADRE-вируса раньше всех, а может быть, остались бы единственными и заняли доминирующие позиции среди плавучих городов-государств. Наконец, это бизнес! Возможность продавать прорывную разработку, не открывая методики её создания.

Но благодаря некоторым нечистоплотным, зато очень влиятельным чиновникам от МЗМ*, возможность сделать эту жизнь совершенней, упущена, ради чьей-то личной выгоды, а говоря ненаучным матерным языком, распространённом в двадцать первом веке, похерена.

И главное! Для биоматериала – самый настоящий концлагерь! Физический и моральный, однозначно. Ведь под этим бездушным словом скрывается живой человек. Мой любимый человек! Мужчина с прекрасным, загадочным именем Тимофей, которого я для краткости нарекла Тимом, поверившей мне и в меня, в здравый смысл нашей, почти свихнувшейся, цивилизации...

– Если бы вы только знали, дуры от науки, и алчные су-

ки из правительства, что такое настоящий мужчина! – хотелось кричать вслух, броситься в рукопашную, но разрываясь внутри, ровно сказала,

– Это невозможно... Мой голос, как заведующей главной вирусологической службой острова, против.

– Будете препятствовать, останетесь и без голоса, и без работы, госпожа Свирская, – холодная ирония заместительницы министра по безопасности медицинских исследований Регины Муровской не заставила себя ждать.

Оглядев присутствующих в поисках поддержки, поняла, что никто не вступится. Либо подобострастные поклоны, либо премерзкие улыбочки. В лучшем случае, опущенные глаза. Против этой монстрихи с ледяными глазами и косой саженью в плечах ни одна не пикнет, – не забывайте, что НИИ естественного воспроизводства – важнейшая структура МЗМ, а в Вашем ведении лишь служба с некоторым объёмом полномочий.

– Несмотря на это, вирусологическая служба проводит до трёхсот разноплановых исследований в год, а Ваша важнейшая структура исключительно торгует мужской спермой! – это уже вырвалось в запале. Как будто, оглохла и ослепла! Никогда у меня не было поведенческих срывов, тем более в общественном месте, не говоря о том, какого уровня мероприятие. А тут даже забыла, что каждое слово фиксируется на диски памяти.

– Это оскорбление! – Ромскую понять можно, она бес-

сменно руководит спермофермой не первый десяток лет. И ко мне всегда была благосклонна. Но никого и ничего не хочу понимать!

– Это правда! НИИ превратили в доходный бизнес! – уж я-то знаю наверняка их кухню. В комиссии регулярно приходится бывать.

– Госпожа Свирская! – окрик Муровской не остудил, – за неэтичное поведение, Вы удаляетесь с заседания коллегии.

–Я буду жаловаться! – что ей мои угрозы. Тут же оттеснили к выходу две крепкие фигуры в форменной одежде МЗМ – личные менеджеры безопасности, вытолкнули, и я осталась один на один с бедой.

Глава 5.

Звонок подруге ничего не дал,

– Инга, выручай! – второпях, сумбурно, но она быстро уловила главное,

– Нель, против Муровской не попрёшь. Нас обнулят и выкинут на материк без суда и следствия. Она с самой Президентшей на короткой ноге. О себе не думаешь, о мужике своём подумай! Не станет тебя, не станет и его!

– И чем я смогу помочь?

– Выжди немного, пока забудется твоё фееричное выступление на коллегии, и начинай их долбать! Прости, но моего ресурса надавить на Муровскую не хватит.

А ведь у подруги крепкие связи, которыми она успела обзавестись, став успешным пластическим трансплантологом.

– Ин, это всё какой-то сюрреализм!

– Это жизнь, дорогая моя девочка из элитной семьи. Ты просто никогда не заглядывала на изнанку красоты.

Она права! Что касается красоты, Инге равных нет...

Как же мне не хватает близких! Особенно прабабушки Элен. Она бы с высоты своего авторитета заткнула эту ледяную глыбу из МЗМ в два счёта! Но я одна уже больше пяти лет. Погибли все: прабабушка, бабушка, мама. Обстоятельства авиакатастрофы неизвестны, помочь некому.

Домой ноги не несут. Что я ему скажу? Как в глаза погля-

деть любимому человеку? Если бы знать, чем обернётся моя эйфория, ни за что бы не потащила его за собой. Наоборот, отговорила бы.

Я провела в хижине у реки почти месяц, мы стали близки. И это было упоительно! Сильные мужские объятия, в которых вдруг так приятно осознать свою женскую слабость, умелые ласки, разбудившие в учёной-фанатичке спящую чувственность, неуёмная страсть, предаваться которой – ни с чем не сравнимое блаженство! Но главное и самое возбуждающее: острый, как бритва, техничный мужской ум, не боящийся строить планы даже в таком странном и порой страшном мире!

И мысли не возникло, что придётся расстаться! Да ещё вот так! Какое там! Наоборот!

Нас должны были встретить с флагами и цветами! И понести на руках по вымытым ароматным шампунем дорожкам прямо в НИИ вирусологии, и дать мне в управление супероснащённую лабораторию. И выделить супербюджет!

– Нате вам всё на блюде! Скорей творите панацею, чтобы каждой бабе по полноценному мужику! Каждой семье – здоровое потомство! Чтобы наши маленькие нежные мальчики превращались не в обезьян, а вырастали в таких же прекрасных настоящих мужчин, как мой любимый!

Рисовалось великое светлое будущее, которое мы создадим вместе!

А вышло?!

Он же нормальный человек, абсолютно адекватный. В этом-то и заключалось моё открытие: не все мужчины на Земле подверглись разрушительному влиянию вируса, прокатившемуся по планете тяжёлой пандемией, и превратившей их, по сути, в недолюдей, сохранивших в первозданном виде лишь детородную функцию.

И я его нашла! Того самого Homo sapiens, который не то, что отсиделся где-то в пещере и избежал инфицирования, а именно, переболел и не свихнулся!

Он оказался таким... таким... Я не знаю, с чем сравнить!

Понятие «мужчина» считается устаревшим, как слово, потерявшее смысл и значение. Сменилось третье поколение самцов, уже народилось четвёртое. Они пока здоровенькие, умненькие, хорошенькие мальчишки, но стоит только нарушить стерильность среды, в которой живут, как их поражает MADRE-вирус и, наши дети превращаются в каких-то доисторических неандертальцев.

Типичные признаки акромегалии появляются в течение месяца, а потом лишь становятся ярче. Но главное, остаются только примитивные рефлексы и навыки. Чтобы уберечь ребёнка, мать, едва родив, ни разу не приложив к груди, вынуждена расставаться с ним. Мальчиков до трёх лет содержат в стерильных условиях. Хочешь продлить, плати. Кто-то платит, но большинство не могут себе этого позволить. Особенно, если попыток родить девочку было несколько, но не повезло.

Некоторые забирают трёхлеток домой, чтобы те получили хоть немного домашнего тепла. Заканчивается это всегда очень драматично: матери разными ухищрениями пытаются удержать последние нити сознания сыновей, но тщетно...

В принципе, исход ясен, но привыкнуть невозможно. Поэтому проще, родив, сразу отказаться и забыть. А ещё все хотят дочерей. Всё больше молодых женщин цивилизованного мира отказываются от материнства, так как заказ пола будущего ребёнка под запретом, из-за Гендерной Конвенции, подписанной всеми плавучими городами-государствами, чтобы не оскуднить спермофонд. И это – самая главная нерешённая проблема нашего элитарного общества.

Подросших порченных мальчиков помечают и отпускают на материк. Выживаемость минимальна, но нам тоже не прокормить армию идиотов. Метка, чтобы случайно не поймать своего же, если вдруг выживет. Не годится для воспроизводства по причине тесного кровосмешения. Их же потом не различить, кто чей сын, да и потомство от них слабее в разы, чем от пойманных в дикой природе...

Конвой в виде четырёх сильных рослых женщин, затянутых в коричневые униформы, и их командирши немного меньшего роста, предстал на пороге дома практически вместе со мной, с разницей в пару минут.

Я надеялась, что есть некоторое время, хотя бы поговорить с Тимом, объяснить, что буду бороться.

Почему такая спешка? Словно я могла бы успеть куда-ни-

будь спрятать народное достояние.

Да! В том-то и дело, что я не держала любимого мужчину, словно какого-нибудь подопытного кролика, в лаборатории. Мы жили вместе, как пара. Иного и в уме не было. Стали единомышленниками, окрылённые великой идеей.

Но я не смогла. Не уберегла. Домой ноги не несли! Как в глаза ему взглянуть?

– Ничего не вышло! – разревелась от бессилия, повиснув на шее, – Они не стали слушать мои доводы! Они меня выгналиииии!

– И что теперь? Домой?

– НИИ производства... Пять лет.

– Да пошли они! – ещё не понял, что приговора не избежать.

– Без права пересмотра, – душа разрывается, а выхода не вижу. И так тошно, что подвела! А больно-то как? Пять лет! Как мне прожить эти чёртовы пять лет без него? Как ему выжить?

Глава 6.

– А, спасение человечества?

– Их не интересует человечество, – горькое прозрение, – только деньги, как во все времена, каким бы эквивалентом ни мерялись. Ты прав, наш мир несовершенен!

Он ждал, верил! Ведь я была так убедительна, когда уго-
ворила его. Заггла, вдохновила. Выманила из укрытия! Но
не сумела убедить этих псевдо-учёных, которым наверняка
что-то перепадёт за предательское решение...

Разозлился! Резко оттолкнул меня, сорвался бежать! За-
пасной выход в сад, окна! Поздно. Сопrotивлялся, но при
том арсенале парализаторов и прочих атрибутов у конвой-
ной команды – только лишняя боль.

Да и некуда бежать с острова.

Он метался, как загнанный зверь, я вместе с ним, пытаюсь
хоть немного прикрыть от этих шавок, хладнокровно испол-
нявших приказ потому, что меня они тронуть не могут, пока
нет на то соответствующего распоряжения.

Поначалу теплилась надежда, что есть несколько дней, я
что-нибудь придумаю, но их не дали. Несколько минут – всё,
что у нас было.

Позже, немного очнувшись от первого шока, поняла, по-
чему так оперативно сработали: остров был ещё довольно
близок к материку. Испугались, что Тим попытается сбежать

вплавать.

Когда раздались щелчки электро-наручников и кандалов, сердце заняло особенно остро, словно, это на него надели оковы. Мы даже не смогли обняться на прощание. Да, какое там!

Уходя, Тим опалил исподлобья таким убийственным взглядом, что я вынуждена была опустить глаза, а потом плюнул в мою сторону. Плевков естественно, не долетел, зато за нарушение порядка пленнику достался удар током прямо по губам. У меня дыхание остановилось! Обычное дело, таким образом в нашем обществе прививают условные рефлексы деградировавшим мужским особям.

Разумеется, ток не смертелен, но достаточен, чтобы наказуемый взвыл и упал на колени. Когда поднял голову, носом шла кровь. Я в безотчётном порыве снова метнулась к нему, но бдительная охрана резко остановила.

Подхватили под мышки, поставили и, подождав, пока сможет идти, вывели из дома.

Рванула следом и так бежала до самого жандармского мобиля. Совершенно необходимо сказать какие-то слова поддержки, дать надежду, но получалось только давиться слезами потому, что больно! Потому, что пять лет – это вечность, – Не опускай рук! – прорвалось наконец, – Я люблю тебя, Тим! Я буду бороться за тебя! За нас буду бороться! – как? Понятия не имею, но сидеть и просто ждать, не собираюсь! Так можно с ума сойти! – я тебя не забуду! – даже

самой показалось нелепо. Вряд ли поверил. Служебный автомобиль, мгновенно набрав скорость, исчез, увозя мою любовь.

Ещё и путь на спермоферму теперь заказан. Слишком много нелицеприятного было брошено в запале на заседании коллегии. Служебный пропуск аннулирован навсегда.

Даже не приняли во внимание, что Тим – это моё личное открытие, вычисленное, выведенное сначала логическим путём, а потом и найденное в природе.

Хотя, нет! Так нечестно. Я его ловила и чуть не погибла в лесу, он меня спас. А я... предала.

Настоящее время

В автомобиле Тим всё так же отчуждён, и надежды на то, что это лишь при посторонних, не оправдались. Сидения бок о бок, он совсем рядом, но холоден и далёк. Не простил.

– Здравствуй, любимый! – поворачиваюсь к нему, ловлю хоть что-то ответное в глазах, кладу ладонь на его, лежащую на колене. Умираю от желания, как в былые времена, сплести свои, вечно ледяные пальцы с его, немного сжимая, согреваясь его теплом.

В ответ нулевая реакция. Хоть бы оттолкнул! Вообще ничего, даже не моргнул, глубина дыхания не изменилось. Со мной рядом каменный болван с могучим обнажённым торсом, упругим бедром, тесно прижатым к моему, благодаря его по-мужски широкой посадке, с горячей большой ладонью, так и покоящейся под моей без движения.

Ничего не остаётся, как дать команду,

– Алиса, домой! – понятия не имею, кому взбрело называть персональный ИИ* женскими именами? С незапамятных времён Алиса считается самым распространённым.

Вообще, когда выяснилось, что Тима можно вернуть досрочно, я была на седьмом небе. Смеялась, как дурочка, надо и не надо, забыла все невзгоды! Перестала горстями поглощать свои психотропные пилюли, с которых не слезала с тех пор, как его не стало в моей жизни.

Хотелось бы гордо заявить, что преждевременное освобождение – результат моей настойчивой бомбардировки инстанций разного уровня, вплоть до самой госпожи Президентши. Возможно, это возымело некоторый эффект, но главным образом, НИИ воспроизводства облажалось самостоятельно.

Ни для кого не секрет, что выбор самца-осеменителя – дорогое удовольствие. Хочешь по красивей обезьяны, с искоркой разума в глазах? Плати. Это ж гены твоего будущего ребёнка. И успешный бизнес спермофермы держится именно на платных услугах. Потому они и вцепились в моего Тима! Три года, разрывая душу на части, с экранов инфовизоров не сходила реклама: «Здоровые мальчики от здорового самца!»

Только недавно заткнулись. Потому, что всё поголовье здоровых мальчиков пошло прахом. Хоть и малыши, но уже видно, что против заразы не устояли. Их ведь в стерильных боксах не содержали. Поверили рекламе.

А я предупреждала! Нет гарантий, что потомству переда-

дуться антитела отца. Нужна именно его кровь для создания прививки.

Ну что ж, теперь Институт противоестественного воспроизводства занят надолго. Суды, штрафы, неустойки, возврат денег за обманутые ожидания. Услуга не исполнена, будьте любезны всё вернуть. Ну и за моральный вред, разумеется.

Если быть совсем принципиальной, я бы тоже могла с ними посудиться за срыв важного проекта, но тогда дело бы затянулось непонятно насколько. А так хотелось, чтобы любимый, как можно скорее, покинул свою тюрьму, поэтому под шумок, как только анонсировали распродажу, чтобы выручить средства на штрафы, выкупила его до аукциона, заплатив вдесятеро больше относительно стартовой суммы. Всё равно, клиентский спрос упал, а так доход получили, и неплохой...

Глава 7.

До возвращения любимого, я развернула целую подготовительную кампанию. Безумно хотелось создать привычный ему мир.

Наши островные сферо-дома оснащаются в процессе возведения, содержание их эргономично, как и внешняя форма, и подчинено законам геометрической физиологии: плавные переходы, всплывающие под потолок окна, чтобы естественным ультрафиолетом уничтожались микробы, пластичные предметы мебели и ещё множество удобных технологий.

Стоило немалых затрат преобразить обстановку в комнате Тима под то ретро, которое ему близко! Но могу себе позволить.

Мне досталось очень приличное материальное наследство от прабабки, которая пожизненно заседала в совете основательниц нашего плавучего города, следующие прародительницы тоже приумножали накопления, трудясь на высоких государственных постах. Да и я своими гонорарами от научной деятельности больше пополняла, чем расходовала семейный капитал. Живу одна, тратить не на что.

А тут такая возможность. Даже вошла во вкус, представляя, как обрадуется Тим! Тимоша мой – как я про себя ласково его называю. Не уверена, что это производное от Тимофея, но так мило звучит,

– Тимоша! – и согревает чем-то уютным, домашним.

На материках жизнь протекает среди обломков рухнувшей цивилизации, ничего существенно нового не создано. И надо было довольно сильно покопаться, найти нечто стоящее, чтобы порадовать любимого!

За бешенное количество чеков я раздобыла уникальную вещь от Padalka Guitars! Инструмент роскошный! Кастомная красавица ручного производства, изготовленная именитым мастером более столетия назад, стоила сумасшедших расходов, не многим меньших, чем скрипка Страдивари в былые времена!

К сожалению, эти шедевры утеряны окончательно. С тех пор, как мужики одичали, поменялось многое, в том числе и владельцы частных раритетных коллекций. Следы подчищены, и изделия великого маэстро можно увидеть только на старых фото.

Зачем я так разорилась? Очень просто: Тим отлично играл на своей древней, выдавшей виды старушке. И когда я уговорила его поехать, взял с собой,

– Не могу без музыки, без струн, – улыбнулся и любовно провёл рукой по изгибу инструмента, – затоскую.

Чёрт! Как же я виновата! Три года не то, что без музыки! Без жизни! Нормальной, хотя бы примитивной, но свободной, своей!

И теперь эта роскошная игрушка – лишь малая толика из того, что я могу ему вернуть, красуется рядом с его затёр-

той подружкой на специальной подставке чуть ли не в центре комнаты.

– Проходи, – увлекаю любимого в дом, пытаюсь расшевелить, – ты же помнишь планировку?

Мы отвыкли друг от друга, и это дико напрягает. Нет бы обняться, просто помолчать, вспомнить. Но стена отчуждения разделяет непроницаемым холодом. Неловко...

Он послушно заходит, не осматриваясь, хотя есть на что полюбоваться, идёт, куда веду, и так же молча остаётся в своих владениях.

Может быть потому, что отвык от общения? Скован моим присутствием?

– Осваивайся, – оставляю одного, – если что, я у себя. Зови или сам приходи, – разговариваю монологом со стенами, они и то отзывчивей.

Что же они с тобой сделали, Тим? Что же я натворила?!

Мне не раз приходилось бывать на спермоферме по работе, ещё до экспедиции, до нашего знакомства, пока пропуск члена комиссии не заблокировали.

Снаружи всё та же светлая сфера, только намного больше личного дома, и окна не всплывают. Их там вообще нет. Зато невидимые защитные контуры вторым и третьим куполом. Вокруг, как и везде на острове, ровные, будто бархатные, зелёные газоны, выбритые роботами на выверенную до миллиметра высоту, а внутри...

Похоже на зоопарк 21-го века. В наши времена животных

в неволе содержать не принято. Зато принято самцов. Клеток с прутьями нет, отдельные комнаты-камеры: три глухие стены, четвёртая стеклянная с отражающим покрытием, чтобы можно было разглядеть будущего кандидата в отцы, а он при этом не чувствовал, что за ним наблюдают. Можешь часами любоваться, пока не выберешь. Хотя, из чего там выбирать?

В принципе, если для приматов, то содержание неплохое: метров двадцать помещение под хорошим освещением, со спортивным уголком: кольца, канаты в виде лиан, что-то типа шведской стенки, внизу мягкий пол. Это на случай, если захочется порезвиться. Не захочется, заставят, чтобы не залёживался, не жирел потому, что вредно сказывается на составе спермы. Инвентарь продуман, дабы ущерба себе нанести не смог.

Уборная в дальнем углу с вытяжной вентиляцией на одном пространстве с душевой, в которой вместо розлива воды сверху, из вертикальных пор идёт влажный пар с дезинфектантом. Не желаешь мыться, загонят. Производителям надлежит быть чистыми.

Всё за прозрачной стенкой: самцы под постоянным наблюдением. С противоположной стороны ложе для сна немного выше пола. И чуть ближе к передней части комнаты ниша выдвижного стола, на котором в камеру подаётся пища прямо во встороненных судках, а потом так же втягивается обратно для уборки остатков и мытья.

Всегда нагишом, чтобы можно было заметить любые по-

вреждения на теле, какие-нибудь аллергические сыпи, раздражения. Вообще, все параметры собираются в чип, и всегда под контролем. Если что-то не так, то подобный биоматериал исключается из спермосбора на время карантина, лечения и реабилитации. Риски снижения качества семени должны сводиться к минимуму. Иногда, несмотря на первоначальный положительный отбор, после дополнительных наблюдений следует выбраковка.

Я надеялась на выбраковку! Очень надеялась! Но кто ж такого мужика забракует? Выжали по полной! И продолжали бы, да афера не удалась. Теперь он мой.

Глава 8.

Я не хотела так! План был совсем другим! Отправляясь в рискованную экспедицию с командой охотниц, которая работает на курируемых территориях, а сказать точнее, колониях, подготовилась на все случаи жизни. Даже противозачаточный пролонгатор ввела, если какой-нибудь бабуин изнасилует. Но на то она и жизнь, чтобы шутить. Во времена предков ходило интересное выражение: «Хочешь насмешить Бога, расскажи ему о своих планах». Но, как доказала современная наука, никакого Бога нет. Теперь все верят исключительно в себя, или, на крайний случай, во Вселенную с её справедливыми законами.

Хотя в чём справедливость, если мужиков выкосило подчистую? Они – тупиковая ветвь эволюции? Так все и думают в нашем женском обществе. А я бы поспорила! Потому, что мы с ними одна ветвь, только разорванная надвое!

И вот я – такая умная и продвинутая представительница сохранившейся цивилизации, по крайней мере, в нашей плавающей агломерации, сижу и тупо не понимаю, как быть?

Представляю, что бы сейчас сказала моя подруга Ковальская,

– Не заморачивайся, чуток посидит, очухается от радости и войдёт в нужное русло. А не войдёт, что тут поделаешь? Забирай в лабораторию и качай кровь на пробы, ставь опыты,

пока не будет положительного результата. А когда получишь вакцину, отправь на материк.

Но я-то так не смогу! Что делать с пресловутым женским сердцем? Видимо, за столетие без мужчин оно существенно не изменилось, какими бы независимыми мы ни стали. Так хочется послушаться именно его. Сорваться и побежать в комнату к любимому, повиснуть на шее, разбудить его плотно сжатые губы нежным поцелуем, вдохнуть столько своей любви, чтобы на двоих хватило!

Как игнорировать щемящее чувство вины в душе, или что там за болевая точка над солнечным сплетением, которую не рисуют на анатомических картах? Её нет, но болит же! Покоя не даёт!

Прекрасно отдаю себе отчёт в том, что ничего не сделаю против воли Тима. И так уже постаралась. Хотя он теперь не достояние науки, а моя собственность.

И документик имеется, как на домашнего питомца.

Да, есть некоторые оригиналки в нашем продвинутом обществе: вместо силиконовых биомужиков – биоров, держат настоящих. Это недешёвое удовольствие. Однако, почти не глядя, всех разобрали на аукционе спермофермы. Не как я, за конкретным пришла. Некоторые уже не первого приобретают. Коллекционерки, мать их.

А те, что побогаче, да подурнее, платят охотницам, желая получить не доеный свежачок. Приручению они поддаются плоховато, но зато для неуправляемого, незамутнённого

ненужной рефлексией, первобытного секса очень хороши. А на случай неповиновения, тоже чип.

Никаких доисторических ошейников, никаких телесных повреждений, просто крошечная кнопка, вживлённая в мозг без возможности изъятия, являющаяся постоянным контролёром и воспитателем, возможно, палачом. Потому, что в случае попытки бежать, или нападения, будет применён болевой импульс. А какой силы, решать хозяйке.

И вот теперь моя главная задача – отключить неотключаемое. А уж, если Тим поверит и согласиться помочь, приниматься за создание вакцины.

Я с некоторых пор птица вольная, чем хочу, тем и занимаюсь! Лаборатория прямо в доме. Из общественных исследований, как и из вирусологической службы, уволили сразу после того, как забрали Тима. Да и какой смысл? Что мне там исследовать? Оставила только чтение лекций студенткам в порядке частной практики. Исключительно с единственной целью: не сойти с ума. Так для этого отлучаться не надо. Преподавание на дистанте.

А вот любимый вряд ли уже доверится. Второй раз на те же грабли, – одно из выражений моей прабабки. Это надо совсем дураком быть!

А он не дурак! Очень хорошо помню те четыре счастливые недели вместе. А он помнит?

Три года назад

Я ковыляла за мужчиной, изображая изо всех сил растя-

жение лодыжки. И угнаться за ним было непросто. Слава богу, жилище оказалось не за тридевять земель. Думала, что заведёт вглубь чащи, а там попытается прибить, поэтому была готова ко всему и кляла себя за то, что бездарно профукала рюкзак, в котором лежит заряженный парализатор.

А он даже не оглядывался. А чего оглядываться, когда сзади безоружная, слабая женщина? Вот тут я искренне пожалела, что не владею ни одним из боевых искусств, как дамы из охотничьей команды.

Тропа, однако, шла вверх по течению, и вскоре показался дом на берегу.

– Почему ты ходишь купаться такую даль, когда вода рядом? – первое, что реально могло заинтересовать человека, которого беспокоит исключительно травма ноги, а не что-то иное.

– Потому, что здесь выюн, – ответил странно, будто я должна была понять, но то ли по тембру голоса, то ли по спокойствию осанки, почувствовала, что угрозы нет и расслабилась,

– Что значит выюн?

– Водоворот. Полезешь в воду, затянет. Проверять не советую, – ого! Ещё и беспокоится обо мне! Осмелела совсем,

– Зачем построил дом рядом с водоворотом? Гораздо логичнее, было бы обмываться поблизости.

– Гораздо логичнее, помолчать, если ничего не смыслишь в получении электричества из энергии движущейся воды! –

вот вам и примат!

На смену страху в кровь снова влилась порция восторга! Айболит тут же откликнулся радостным писком, а до этого молчал, как партизан, выдавая учащение пульса только красным подмаргиванием. Чует стервец, когда надо мнение держать при себе!

– А, можно посмотреть? – не знаю по какой фиг, тем более, что типа, еле дохромала, но доказательств мужского разума хотелось ещё и ещё.

– Ну, ковыляй потихонечку, – разрешил хозяин, бросив мой рюкзак на пороге бревенчатого строения, выглядевшего довольно солидно, и зашагал к воде. Мысль кинуться и достать оружие, была задвинута подальше, и я смело протопа-
ла мимо.

Глава 9.

На изгибе течения в воронкообразном потоке, завивающемся на перекатах, заботливо обложенном камнями, крутилось, что-то вроде ветряка со множеством коротких лопастей. Наверное, восемнадцать. Точно не сосчитать, слишком быстрое вращение. Крылья крепились к подобию велосипедного колеса, но диаметром побольше. Дальше шёл сложный коленчатый механизм к малому колесу. Конструкцию не уносило, благодаря крепежу к мощной балке из ствола поваленного дерева, перекинутой с берега на берег. По причине изгиба русла, это вполне возможно, так как место узкое. От той же балки тянулся жгут к жужжащей пластмассовой коробке, заботливо расположенной под навесом.

– Это мотор-преобразователь, – пояснил мужчина, – а по этим проводам ток подаётся в дом, – показал на вторую змею в резиновой оплётке, терявшуюся в траве, – они практически неубиваемы в таком корпусе, не мокнут, не окисляются, не гниют, до нашего времени сохранились и ещё лет сто прослужат.

– Удивительно! – не смогла сдержать восторга, – сам придумал?

– Вот темнота! – расхохотался, обнажая ровный ряд зубов, что само по себе диво в этом заброшенном мире, – электрический ток создал Алессандро Вольта в 1800 году и придумал?

мал электрическую батарею!

Стало обидно,

– Я не об этом, – хотя, если честно, никакого Вольта не знаю, – про то, что у дикарей есть блага цивилизации, созданные своими руками, не ожидала! У нас распространено мнение, что вы тут допиливаете наследие прошлого.

– Всех-то под одну гребёнку не греби! – карие глаза вспыхнули обидой, но тут же потухли, – Хотя, конечно, разве эта мини-электростанция – прогресс, когда сто лет назад работали атомные гиганты и целые гидро-каскады на больших реках, – откуда он всё знает? – А вот вы, точно дикари! Живёте на искусственных островах, когда столько благодатной земли вокруг пропадает!

– Острова – агломерации для избранных! Там очень комфортно, – захотелось утереть нос этому дремучему мужлану, – Ты вот тут электростанцией гордишься, а у нас преобразователи солнечной энергии работают почти со стопроцентным КПД! Новые технологии заменяют любой ручной труд! Медицина, знаешь, на каком уровне? Стоматология, например! Ни тебе имплантов столетней давности, ни виниров! Просто закладка растущей костной ткани в десну, и вуаля! Новый зуб! Хоть все можно отрастить снова! Конечно же пробуем отращивать, натуральные суставы обновлять уже научились. Онкология побеждена! Благодаря персональным датчикам здоровья, вот типа такого, – показываю своего Айболита на руке, – ведётся полная диагностика

онлайн. Рак, выявляется на стадии зарождения аномальной клетки, и сразу уничтожается. Про диабет, сердечно-сосудистые, вообще, молчу!

– Вечную жизнь изобрели? – спрашивает со злым сарказмом.

– Практически... Пока не надоест! – моя прабабка, бабушка и мать не в счёт, разбились на персональном воздухолёте. Причины крушения так и не выяснены. Новому знакомцу этого знать не надобно. И то, что я чудом осталась жива, потому, что в это время защищала научную степень по вирусологии, – А, главное, комфортно, вечное лето.

– Комфортно? А чего сюда прётесь? На кой чёрт вам мужики-недоумки? Почто их ловите, а своих ущербных на материк сбрасываете? – надо же, какая осведомлённость, – молчишь?

– Не молчу! Они совсем не годны после заражения, хуже диких материковых... А куда девать это стадо бабуинов?

– Вот и ответила! – прерывает на полуфразе, – в ваших комфортных условиях для особо избранных, естественной жизни нет! – глаза его сужаются, словно, видит суть, а эти мои доводы принимает, как детские побасенки, – Экологию свою элитную бережёте, а на земле помойку устроили. Против человеческой природы стараетесь!

Можно поспорить, но ведь я же зачем-то пришла? Значит, не всё так идеально. А вот, если он согласится, как раз, и наступит гармония. Значит, сыграю по его правилам.

– Возможно. А за дикаря прости. К тебе не относится.

– Да ладно, – он вполне цивилизован и миролюбив, – ногу подлечишь, выведу на дорогу. Что видела, забудешь! – советует по-доброму, – Обещай, иначе сразу прибую! – пожалуй, насчёт миролюбия, перехвалила, но доверчив, как младенец.

Эх, не знаешь ты, парень, как изворотлив женский ум, как коварен, если приспичит. Теперь понятно, почему мужиков подкосило. Опаски в них ни на грош. Если все такие, как этот, то наши прапрабабки их голыми руками брали.

– Обещаю, – но скрещённые за спиной пальцы, как в детстве, и ответственность за дальнейшее развитие цивилизации снимают любые клятвы.

Настоящее время

И как он теперь должен мне верить? Ненавидит, точно! А может и права та баба из НИИ воспроизводства, что чип не отключили?

Нет! Выбросить из головы дурные мысли! Тим нормальный человек! Просто очень обижен. Но я же знала, что будет нелегко? Знала. Что придётся начинать сначала. Я ж морально к этому готовилась.

Хотя нет. Сейчас мы ниже нулевой отметки отношений. В глубокой яме. И выбираться надо вместе.

Как?

Заботой? Любовью?

А я умею? Меня не учили заботиться о мужчине. И, как это. Давайте, ещё одну докторскую напишу по вирусологии?

И кто бы мог подсказать, как с ними мирятся? Что они там себе думают, когда в обиде? Может, гоняют свирепые мысли, как бы эту бабу удавить голыми руками? Нет, пульт надо пока держать поближе...

Какой пульт?! Я любить его хочу! Отдать всё, что у меня есть, готова!

Он, голодный, наверное? О чём только думаю? Надо накормить сначала!

И сама поем, если не удавит. Потом, что-то с одеждой решить. Шкаф в его комнате набила мужским, надеюсь, нашёл. Но может, ему чего другого захочется?

Так-то я не против. Вот бы захотелось!

Я ж помню, каким он был неуёмным, ненасытным... любовником.

Сначала мысль о том, что совместное проживание приведёт к незапланированному половому акту, пугала, но потом...

Глава 10.

Три года назад

Гостеприимный хозяин отвёл мне место для сна в отдельной маленькой комнатушке на сколоченной вручную кровати, и попыток покуситься на моё целомудрие не предпринимал, уходя в своё логово с набитым сушёной травой тюфяком. Сначала это радовало, а потом стало скучновато. Душе хотелось неземного, а телу наоборот земного.

Это случилось после купания на пятый день знакомства. К тому времени я уже окончательно перестала бояться Тима и бросила свою паранойю по поводу паразитов, кишящих в воде. В конце концов, пропью антибактериальный курс по возвращении домой.

Мы, как приличные люди, целомудренно выбирали разные стороны заводи в излучине реки, как будто нарочно, разгороженные, разросшимся ивняком. Я уходила направо, Тим налево. Было слышно, как он с шумом бросается в воду, ритмичные всплески от мощных гребков волновали мой обострившийся слух. Но заплывы происходили строго в противоположную от моей купальни сторону. А подглядеть-то хотелось.

И вот к пятому дню, вернее, вечеру, я созрела. Тихо, опасаясь малейшего всплеска, пробралась к кустам в воде, умирая от ужаса, что там меня непременно кто-нибудь схватит

за ногу. Но желание полюбоваться на обнажённого мужчину томило сильнее страха.

Сплетение ветвей было довольно плотным, да и листва густая, но если уж Нелли Свирская себе поставила задачу, то идёт к намеченной цели, даже на подкашивающихся ногах, не взирая на преграды. Так, что, в конце концов, угол обзора я себе обеспечила. И увлеклась.

Тим, как раз, вышел на отмель и, по-видимому, любовался на закат. Образцовая мужская фигура, возвышающаяся в красных лучах заходящего солнца, казалась невероятной иллюзией. Мокрые кудели длинных тёмных волос облепили широкие плечи. Убирая пряди от лица, он продолжил движение рук и завёл их к затылку, полностью подставившись лёгкому вечернему ветерку.

Эта поза, с закинутыми за голову сильными руками, гордо расправленными плечами и длинными ровными ногами, расставленными на их ширину, казалась настолько смелой и уверенной, что я даже позавидовала, осознавая, что из меня такой скульптурной красоты не получится.

Именно мужской, со всеми косыми мышцами, бицепсами и трицепсами, мощью, манившей, как магнит стрелку компаса. Я приклеилась глазами к видению и готова была любоваться ещё долго, не замечая, что уже покрываюсь мурашками от холода.

Так бы и стояла, да только случилось страшное! Кто-то невидимый, подводный и сильный скользнул прямо между

моих коленей и быстро проплыл, однако, заорать от неожиданности я, всё же, успела.

С диким воплем рванула на берег, но ещё до того, как его достигла, Тим уже обнимал меня сзади за плечи,

– Неля, ты чего испугалась?

– Там! Там! – стуча зубами от страха и озноба, показывала я на кусты, – какое-то чудовище хотело меня утащить! А сама прижималась к нему теснее и теснее в поисках тепла, защиты и чего-то ещё...

– Так уж и чудовище? – глухо рассмеялся спаситель куда-то мне в макушку, – может быть, огромная щука вздумала украсть в своё логово прекрасную русалку?

– Смеёшься? – проклацала я в обиду, мимоходом осознавая собственную наготу, и тут же мои холодные губы накрыло тёплыми, мягкими, подбородку стало немного щекотно от жёсткой бороды, и страх прошёл.

На его место, ошеломительно поджигая изнутри, так что дрожь приобрела совсем иной характер, пришло упоительно-восторженное ощущение, которому не находилось подходящего сравнения! Пожалуй, это можно назвать волнительным предчувствием чего-то неведомого, но невероятно важного.

Я не заметила, как ноги уже ступили на сушу, и сильный мужчина в последних отблесках уходящего дня прижал к себе,

– Хочу тебя! – прошептали губы, мягко касаясь лица, –

нестерпимо хочу.

– Я девственна, – не знаю, зачем ему эта информация, ту-по, конечно, но почему-то показалось важным выдать очевидную тайну.

– Не хочешь исправить упущение? – продолжал искушать Тим немного иронично, но так чарующе.

– Грубая или неосторожная дефлорация может нанести женщине серьезную физическую или психическую травму... – стуча зубами в предвкушении чего-то запретного, опасного, начала я цитировать из учебника гинекологии, имея в виду, что при первичном осеменении и то нужны меры предосторожности, не говоря уже о том, что с дикими самцами первый половой акт вообще, противопоказан, но Тим не дал закончить,

– Тебе понравится... – заверил немедля.

– Хочу! – повинуюсь зову организма, я оказалась на редкость краткой и сговорчивой, плюнув на опасность и оправдывая это тем, то настоящий пытливый ум, никогда не должен отказываться от научного эксперимента.

Глупое оправдание, когда уже ноги подкашиваются, и хочется скорей!

Тим аккуратно расстелил на траве свою рубаху и, снова приобняв, стал укладывать на неё.

– Мы сделаем это здесь? – удивилась. Я, конечно, торопилась, но надеялась, что добежать до дома сил хватит.

– Земля ещё тёплая, и до полной темноты успеем, – устро-

ил лицом к себе.

– Тебе видней, – действительно, зачем откладывать? И, стараясь скрыть волнение, приготовилась, не знаю, к чему, на всякий случай, зажмутив глаза.

Тим начал с поцелуев. Это упражнение было в новинку, но вроде не страшно. Любовник не спешил, заигравшись с моими губами и языком настолько, пока я не вошла во вкус и не расслабилась.

А потом шагок за шагом, сантиметр за сантиметром залюбил моё тело от груди до живота, легко находя отзывчивые точки, касание к которым заставляло чувствовать себя по-новому, загораться всё большим желанием, принять его ласки, не сомневаясь, что так и надо.

Эффект получился ошеломительным! Колени раздвинулись сами, касание в определённой точке оказалось острым и чувствительным до крика.

– Тебе не нравится? – обеспокоился Тим, подозрительно охрипшим голосом, – не хочешь?

– Хочу! Очень... Боюсь! Не знаю...

Короткое мгновение сопротивления тонкой плоти и некоторого неудобства, тут же сменилось желанием познать пределы допустимого, наплевав на сомнения, но любовник ещё осторожничал, то ли опасаясь причинить боль, то ли распалая меня нарочно.

Последнее ему удавалось отменно, и вскоре, забыв обо всех страхах, насекомых, ползающих в траве, ночных грызу-

нах и прочей живности, крепко обхватив ногами его тело, я оглашала дикие окрестности нетерпеливыми стонами, наслаждаясь музыкой ответных, подтверждающих, что улетаю не в одиночный полёт.

Я, словно раскачивалась на качелях, предвкушая, что ещё немного, и не удержусь, сорвусь то ли вниз, то ли ввысь, но достигнув самого верхнего пика, не упала в бездну, а медленно кружась, как лёгкое пёрышко, стала возвращаться на землю.

Тим ещё продолжал двигаться, упершись руками по обе стороны от меня, и когда с гортанным рыком ненадолго замер, а потом опустился всей тяжестью, догадалась, что произошло. В затуманенной голове, на краю сознания снова всплыло что-то про эякуляцию половозрелых самцов, но цитировать не стала, да и сил не было.

Тим, отдышавшись, одним движением приподнял меня и уложил почти на себя,

– Не озябни, – пристроил головой на груди, обняв и удерживая за плечи.

Боже, как оказывается, упоительно лежать на мужской груди! Это невероятно неудобно, но такое удовольствие, что не променяла бы ни на одну, анатомически подстраивающуюся подушку.

– Не холодно, – а потом решила добавить, – мне понравилось, – за что тут же получила нежный поцелуй в висок, и преисполнилась полного умиротворения, сделав серьёз-

ное научное открытие: вот оно – самое главное женское счастье!..

Реку накрыла тьма, ночные сверчки устроили концерт в честь важного события, а мы, глядя в темнеющее небо, рассматривали нарождающиеся звёзды...

Глава 11.

Настоящее время

Я должна ему напомнить, как это было. В ту первую ночь и все последующие до самой последней перед расставанием.

Стоп, Нэля! Забудь! По крайней мере, не сейчас! После спермофермы у твоего возлюбленного точно стойкая аллергия на все эти штучки.

Но когда-нибудь!..

Сбегаю от воспоминаний на свою любимую кухню. Вот уж где территория положительных эмоций! Сейчас самое время, чтобы чего-нибудь зажевать. Всё-таки, я – дитя своего времени, люблю комфорт.

Руками ничего делать не приходится. Просто задаёшь нужную программу, и контейнер с выбранным блюдом из холодильной камеры перемещается в разогревочную. Можно заказать паровое, можно за жарку с румяной корочкой, хотя Айболит тут же пропищит ай-ай-ай! Можно суп. Нужно количество воды и специй программа выберет самостоятельно.

Персональное меню, расписанное по дням недели. Запас продуктов на месяц. Каждое десятое число робот-доставщик привозит, что выберу, а если забуду, повторяет предыдущий заказ. В принципе, обычно второй вариант.

Но не сегодня. Я долго обдумывала, чем порадовать Тима, отлично понимая, как он стосковался по нормальной пи-

ще потому, что на чёртовой спермоферме, как на бройлерной птицефабрике, никто не думает о вкусе, только польза. Сплошные питательные смеси с грудой витаминов и стимуляторов. В их случае сразу понятно каких.

Решила заказать рыбу. Большой контейнер с чищенной, разделанной и уже подготовленной форелью по моему велению из холодильника переместился в разогрев. Я выбрала запечённую с корочкой, невольно вспомнив, как это было...

Три года назад

– Будем есть рыбу прямо из реки? – предположение ошеломило.

– Разве мы дикие звери? – изумился Тим, к тому времени мы уже отлично познакомились во всех смыслах, – сначала поймает, – как обычно, разделся до гола, сводя с ума скульптурным совершенством, к которому глаза липли против моей железной воли, и пошёл в заводь, – У меня всегда отличный улов.

Вытащил на берег тяжёлую корзину из гибких прутьев, в которой бесновалось не менее трёх здоровенных рыбин.

– Как ты их туда засунул?

– Засунулись, – рассмеялся, выбирая самую большую. Она упруго изгибаясь, отбивалась хвостом, остальные тоже бунтовали. Мужчина ловко подцепил добычу за жабры и выкинул на траву. А ловушку снова опустил в воду, – здесь узкий лаз, с другой стороны решётка, – пояснил, выходя, – никто не запрещает проплыть выше или ниже преграды, но им

же надо именно на этой глубине. Вот и лезут.

Бессовестно залюбовавшись могучим обнажённым торсом, по которому живописно стекали капли воды, очерчивая каждый мускул и изгиб, я на какое-то время упустила из вида добычу и вновь увидела уже в агонии, когда Тим большим ножом полосовал её тело и отрезал голову. Стало тошно, хоть я и врач по первому диплому, но анатомию мы изучаем на активируемых муляжах, а в практических экспериментах я старалась не участвовать, чётко представляя, чем буду заниматься в профессии,

– Не смогу это есть, – желудок подтянулся к горлу в демонстративном протесте, намекая, что сейчас похвастается содержимым.

– Конечно! И я не смогу, – подтвердил удачливый рыбовод, – сейчас вычищу и на огонь, а там, как миленькая будешь уплетать!

– У неё наверняка глисты, – попыталась всё же отбиться, невольно наблюдая, как он выдёргивает ленту красных кишков, очень напоминающих круглых червей.

– Естественно! Как и у тебя, – подмигнул весело, – но мы её зажарим, а тебя нет.

– У меня нет глистов! Могу показать сертификат! – схватилась за запястье, и только вспомнила, что в датчике здоровья села батарея, а сменной нет, поэтому теперь бесполезная штука валяется на дне моего рюкзака.

– Верю, – легко согласился Тим, – но, всё-таки, остано-

вимся на рыбе, поживи пока, – снова погружаясь в воду, чтобы смыть рыбой кровь с рук и груди, а разделанная на куски тушка уже готова к термообработке.

То есть, на углях в печи.

Всё было для меня в новинку. Каждый день новые открытия, новые риски, адреналин за гранью. Потому и батарея в Айболите сдохла быстро, не выдержала напряжения, устав питать.

Я словно оказалась в старом приключенческом фильме, и происходящее сочла увлекательным экспериментом типа шоу «Последняя героиня», про которое слышала от прабабки. Она по молодости, чтобы попасть на остров в первых рядах, участвовала в таком. Когда я слушала её рассказы о том, как они с командой девушек, чтобы пополнить скудный пищевой рацион белками, ели жирных личинок жуков, слегка мутило. Но в шесть лет это казалось бабушкиной сказкой на ночь и, засыпая, я представляла себя на её месте этаким боевой амазонкой, способной на любые лишения.

Теперь сказка стала реальностью. Хорошо хоть мой герой не заставляет питаться всякой дрянью.

Распробовала! Мясо рыбы оказалось великолепно! Столь насыщенного вкуса у привычной, искусственно культивированной нет, но правда и костей нет. Только позвоночник. Селекционные сорта давно лишены рёберных дуг и само-собой более мелких отростков.

Смакуя удовольствие, я неожиданно поперхнулась, почув-

ствовав укол в горле. Укашлялась до слёз, а Тим великодушно предложил,

– Давай-ка, я сам, неумёха! – и начал кормить, выбирая кусочки мякоти с большой тщательностью.

Это было так неожиданно и оказалось очень приятно. Так вот зачем в рыбе кости! Чтобы почувствовать искреннюю заботу мужчины! Ну тогда я согласна! Верните кости! Но сначала мужиков!

Настоящее время

Теперь мне хотелось так же заботиться о Тиме, возвратить ему всё, чем он тогда одарил меня, и даже больше. Эх жаль, что в культивированной форели нет косточек! Я бы для него все выбрала. И кормила бы с руки, ощущая мягкие нежные губы кончиками пальцев.

Так явственно накрыло романтической картинкой, что почти почувствовала тепло подушечками, но тут звякнул сигнал, что пища готова к приёму, и глупая мечтательная улыбка сама убралась с лица, сменившись озабоченностью. Как там мой дорогой жилец? Почему тихо?

Всё-таки, дрогнув перед лицом неизвестности, отыскала в сумочке пульт, на всякий случай закинула в карман домашнего халатика и пошла навстречу судьбе,

– Ти-им! – осторожно позвала, а потом постучалась, опасаясь нарушать личное пространство без спроса. Подождала, ещё поскреблась, и не услышав никакого ответа, приоткрыла дверь.

Глава 12.

Возможно, он не караулит с дубиной в засаде, а просто заснул и потому не слышит, но врываться без предупреждения неприлично.

Ничего не увидев в узкую щёлку, просунула голову, а потом шагнула.

Сидит на полу по центру комнаты, как изваяние какого-то древнего божества, и не реагирует на мой зов.

В тех же страшных штанах, без футболки, босой. Широкая спина согнулась по тяжести неведомых печалей, плечи опущены. Я его таким не видела.

Никогда. В тот месяц в доме у реки Тим всё время улыбался, шутил, или был задумчив, но светел. Потом уже здесь те пару недель до проклятой коллегии, взволнован, но всё равно, позитивен. Даже, когда плюнул в меня под конвоем, в нём горел огонь обиды, гнева, обманутых надежд. А сейчас?

Подхожу вплотную, немного помедлив, всё же решаюсь. Опускаю руки на плечи. Не вздрогнул. Провожу по ним в потребности ощутить тепло и мягкость кожи, пальцами вспомнить, насколько они широки и сильны, а потом, поддавшись порыву, целую бритую голову. Вдыхаю запах тела, под губами едва пробивающаяся колкость волосков.

– Я скучала по тебе, Тим, – шепчу в макушку. Так хочется подбодрить его, порадовать, расшевелить, – скоро волосы

отрастут, всё плохое постепенно забудется. Ты вернулся, –дохну от желания обнять, насколько хватит рук, прижаться грудью к голой широкой спине, поделиться своим теплом, поддержать. Наконец, выслушать обвинения, претензии и покончить с этой неопределённостью.

Но ощущение ледяного стержня, вымораживающего его откуда-то изнутри, не дающего хоть немного ответить встречным движением, малейшей тактильной реакцией, останавливает и делает ласку совершенно неуместной, как будто действительно пытаюсь согреть каменный памятник.

Справедливо, что вины моей легко отпустить никто не обещал. Я и не ожидала, что мы тут же падём друг к другу в объятия. Хотя, кому я вру? Мечталось именно так.

Ну так ори, отталкивай, требуй объяснений! Покаяния! Но не мучай равнодушным холодом! Я ж тебя ждала каждый день! И каждую ночь...

– Можешь переодеться, – нахожу повод отстраниться, хотя так не хочется. В стене со встроенным шкафом-купе, нажимаю кнопку, – смотри, – раздвигается створка, – здесь всё, как ты любишь... любил, – поправляюсь, перебирая вешалки с джинсами, рубашками в крупную клетку, футболками, показываю костюмы для занятий спортом и внизу коробки с обувью, – это коллекции 2020-2030, если не понравится, выберешь сам в любом каталоге за последнюю сотню лет.

Знал бы, чего стоило заказать это добро, ориентируясь по памяти на те обноски, в которых дефилировал у себя в лесу.

Но мне в радость! Только захоти, из-под земли достану!

Они там на материке всё донашивают, давно опустошив остатки запасов с торговых складов и супермаркетов с довирусных времён. Мужское не в спросе, этим дикарям хватает набедренных повязок. Правда, по зиме они всё-таки, что-то надевают, а иначе, бы поотмораживали самое ценное.

Зимы на большой земле суровы, а у нас всегда в диапазоне +22 – +24 по Цельсию потому, что это комфортно для человеческого организма, продляет жизненную активность, позволяет поддерживать оптимальный тонус и не болеть. Острова медленно дрейфуют в течение календарного года, смещаясь следом за заданной изотермой и возвращаются к колониям, чтобы пополнить запасы пищевой органики, человеческие ресурсы для воспроизводства и сбросить отработанный балласт исключительно в то время года, когда температуры совпадают.

Понимая, что тёплые вещи Тиму не пригодятся ещё долго, я ограничилась летним гардеробом, на который, впрочем, он не обратил ни малейшего внимания. Не купился...

Как выпросить прощение у мужчины? Я не умею. Ну да, обижен, ненавидит за то, что с ним сделали. Раздосадован на собственное бессилие, раздавлен, наконец! Но жив! Неужели, всё настолько непоправимо?

Обхожу его спереди и медленно встаю на колени, низко опустив голову,

– Пожалуйста, прости меня, Тим. Всё, что случилось –

моя вина. Не можешь, не прощай, только поверь, что не желаю зла. Просто нужно немного времени, но как только будем около материка, иди.

Жду... Тишина. Реакция нулевая. Поднимаю глаза, чтобы поймать, понять хоть что-то.

– Вернёшься в свой дом у реки. Ты помнишь дом? Водоворот с мини электростанцией? Как ловил рыбу? Купался? – беру за руку, сплетаю наши пальцы в замок, отчего затапливает томительной нежностью, перечисляю всё, чему он предавался с большим удовольствием, и пытаюсь поймать хоть какой-то отголосок эмоций, хоть какую-то человеческую реакцию.

Но там мёртвая стена. Мутные безжизненные глаза, будто подёрнутые белёсым туманом, уставлены в одну точку, и только изредка смаргивают, повинувшись физиологической потребности увлажнить роговицу, в остальном – пустота.

Убийственным осознанием приходит, что это не обида сидит в нём, а нечто другое, больше свойственное людям с поражениями психики. Можно подумать, что Тим страдает аутизмом, но знаю наверняка, что это не так. Я, как никто другой, это знаю и помню.

Разбившись о реальность, поняв, что блицкрига не будет, зову Алису. Она тут же откликается привычным,

– Рада помочь! – напустив восторгов в интонации.

Не до оптимизма,

– Найди какой-нибудь форум владельцев самцов, – говорю

прямо при Тиме, пытаясь считать мгновенную реакцию, которой нет.

– Уточни задачу, подруга, – предлагает по-свойски.

– Конкретно тех, кто покупал после Института естественного воспроизводства.

– Вопрос понятен, уже ищу.

ИИ озабоченно шуршит, имитируя звуком перелистывание страниц, я подношу его большую ладонь к губам, разворачиваю внутренней стороной, целую в надежде на тактильную реакцию, и отпускаю такую же равнодушную, как он сам. Поднимаюсь с колен и пересаживаюсь в старинное кресло бинбэг, утопая в бесформенной массе и полной растерянности.

Сейчас новые технологии позволяют самостоятельно создавать под свои потребности любые формы из пластичных материалов, но я заказала мешок, как у него дома: в виде груши, набитый гранулами полистирола или чего-то более экологичного, типа фасоли.

– Готово! – Алиса, как всегда, оперативна, – вывести в пространство?

– Да, как обычно.

Пара секунд, и прямо передо мной лента переписки с форума «Мой дикарь».

Глава 13.

– Озвучить? – вопрос не удивителен, частенько прошу помощницу читать тексты, когда занимаюсь чем-то ещё, чтобы не тратить время. Но не в этом случае,

– Не надо! – кошусь на Тима, которому всё равно, но, тем не менее, подтверждаю отказ, – я сама.

Очень долго попадаетесь только пустой бабский трёп с кучей пикантных подробностей. Прокручиваю ленту вверх целыми массивами, не находя полезной информации, и уже собираюсь бросить тратить время, как натыкаюсь на фразу, а точнее, вопрос:

«Девочки! У кого большой опыт! Поделитесь, как расшевелить самца после спермофермы на то, чтобы вернулся к самостоятельным рефлексам?»

Кажется, то, что надо! Зацепилась и стала читать всё подряд.

И чем дальше заглубляюсь, тем больше накрывает глыбой разочарования потому, что никак!

То есть, особо никто и не старался. Когда домашнее животное под контролем, спокойней.

Хвастаются по мелочам:

– *Приучила к домашнему туалету, чтобы ходил не по команде, а по нужде!* – уже гордость.

– *За полтора года сумела перестроить режим существо-*

вания своего питомца, как удобно мне, —и всё в таком духе.

В остальном, все хозяйки пользуются пультами активации чипов, чтобы сподвигнуть самцов на нужные действия, и не заморачиваются потому, что так удобней.

В этой части очень живо делятся опытом. Кто-то научился, не глядя выбирать пальцем нужную кнопку, запомнил сложные комбинации кодов, чтобы получить от подопечного целые порядки действий. Дают контакты специалистов, пишущих на заказ программы сценариев для живых игрушек. Оказывается, можно запрограммировать половой акт с определённой прелюдией, длительностью эрекции, до секунды время эякуляции и имитацию благодарных ласк после.

Только в чём смысл? Купите готового биора*(биоробот) и играйтесь, там всё заложено, да ещё и красавчика можно выбрать. Нафига нужна человекообразная обезьяна с программой?

Перевожу взгляд на Тима и понимаю, что эти советы нам не пригодятся. У меня-то человек. Не биор и не тупой самец, а любимый мужчина. Но как его побудить хотя бы есть? Он ведь так с голоду помрёт и не пошевелится! Неужели, чтобы спасти, придётся активировать чип?

Покидаю его комнату в глубоких раздумьях. Световой таймер с кухни сигналил жёлтым напоминанием, что еда сто раз готова:

– Садитесь жрать, пожалуйста!

Да аппетит пропал.

– Алиса, отключи. Я попозже.

Моя девочка понимает с полуслова, иллюминация гаснет, а я иду в свой кабинет, достаю из кармана пульт от любимого и принимаюсь подробно изучать функции. Сама читаю. Без помощницы. Это за гранью: посвящать ИИ в инструкцию управления человеком.

И чем глубже погружаюсь в описание, тем выше волосы дыбом на голове, и не только!

Оказывается, все действия стимулируются исключительно болевыми рефлексам. Почему? Разве приём пищи, или освобождение от семени нельзя побуждать, влияя на центр удовольствий?

Приходится привлечь дополнительную информацию чисто технического свойства.

Как и подозревала!

Так проще. Чип универсален. Для удовольствий, чтобы не переборщить, а только стимулировать, нужны дополнительные программы и тонкие настройки. А боль на то и боль, у всех одинакова. Разве, что болевой порог разный. Но тут вообще легко: не отреагировал на лёгкое касание, поддержи палец на кнопке подольше, дойдёт до порога, как миленький отреагирует. Дрессировка собак и даже экзотических хищников стала в разы легче, после чипирования. Ягуары и пумы, выловленные в джунглях южных колоний, превращаются в милых котиков под воздействием чудо-гаджета.

Разглядываю пульт, сияющий новизной. Три года, а к

нему не прикасались? И это притом, что у человека в послужном списке несколько попыток побега и покушение? Бред! Значит, в НИИ пользовались другим. Наверное, он вышел из строя потому, что кому-то повезло с высоким болевым порогом. Или, наоборот, не повезло... По крайней мере, я не хочу проверять его высоту.

Возвращаясь к Тиму, за пульт хвататься не собираюсь, возможно, отдам ему, чтобы не ждал от меня зла. Ещё один шаг доброй воли.

Надо что-то другое придумать. Хочется верить, что процесс обратим. В конце концов, он же не бабуин, как остальные, и между стандартной пятилеткой приоритета внешних команд и его трёхлеткой целых два года.

– Два года! У нас фора! Тим, ты слышишь? У нас целых два года! – забираю в ладони его окаменевшее, но такое родное лицо, целую щёки, глаза, когда-то полные жизни, какими их помню, касаюсь губ.

Боже, как он умеет целоваться! Умел... И Бог тут ни при чём! Хотя, это божественно!

Три года назад

Вот оно как бывает, оказывается! Да сколько же потеряли наши женщины, лишившись мужских поцелуев!

Когда от настойчивого проникновения в рот, голова идёт кругом! Забываешь про микробы, и что это негигиенично! И никак не понимаешь, что делать? И надо ли что-то? А всё равно, не смочь. Как тут смочь, когда таешь от нежного по-

кусывания нижней губы, щекотно дрожишь от быстрых касаний его языка на нёбе, а потом томишься оттого, как вкусно он втягивает в себя твой! И грудь сразу начинает чувствовать жар плотно прижатого тела, и колени непроизвольно делают крестик, сходясь вместе потому, что там, внизу наливается желание. Настоящее, прочувствованное взаимное. И ощущаешь эту взаимность, упирающуюся прямо в тебя, как ствол парализатора, но живую, горячую, трепетную, нетерпеливую. Не сравнить ни с какой секс-игрушкой.

Это чудо природы, когда двое становятся едины потому, что иного не дано, если истинная связь подтверждается на всех уровнях нестерпимо-желанно, неизбежно, незабываемо!

Настоящее время

Я снова улетела в воспоминания!

– Милый, подай хотя бы знак, что понимаешь, что слышишь! – вглядываюсь в пустую бездну глаз, выискивая признаки реакций, не нахожу.

Только не сдаваться. Не сдаваться! Рука сама нащупывает пульт в кармане тонкого халата, и палец ложится на кнопку активации. Она там самая большая сверху, не ошибёшься. Мне бы только толчок дать. Разбудить.

Но едва коснувшись удобной выпуклости, скорей выдираю руку,

– Нет!

В поисках выхода, взгляд выхватывает гитару. Попробо-

вать что ли? Минуту раздумываю перед инструментами и выбираю его верную подругу, дожидавшуюся своего маэстро целых три года.

Я не умею играть ни на чём, кроме нервов, да и слуха нет, но провести пальцем по струнам, чтобы извлечь несколько мелодичных звуков, не трудно.

А вдруг повезёт?

Глава 14.

Осторожно касаюсь, и первое извлечённое дзынь, сменяющееся бархатным ддрр, соблазняет пройти по всей октаве от высоких к низким нотам и обратно. Надо же! Как гармонично, словно живой голос. Не искусственный, не механический, не стеклянный, а грудной женский, но мне так не повторить.

– М-ммм! – больной стон! Я увлеклась, а Тим!

Схватившись обеими руками за голову, зажимая уши, воет! Ему плохо!

– Не-ет! – раскачивается, как маятник.

В этом нечеловеческом вое кажется осознанное слово! Или я слишком многого хочу? И нет там ничего человеческого, а если бы кто-то из соседей мог слышать, не видя, то решил бы, что госпожа учёная с жиру бесится: завела какую-то живность и мучает бедную!

Тупая ассоциация! Я же не те дамочки из чата! Он мой мужчина! Нормальный, настоящий! Вот только с ним беда!

– Тим! – я уже рядом, уже сижу около, уговариваю, – всё! Всё! Больше не буду! – касаюсь его горячих ладоней, отнимаю их, ласково, но настойчиво опускаю вниз, – Убирай руки, гитара молчит! Всё тихо...

И он убирает.

Послушно убирает и как-то обессиленно опадает, а я

подхватываю и укладываю головой себе на плечо, обнимая скрюченное мужское тело, такое могучее и большое, и одновременно слабое, и ранимое. А обняв, укачиваю, уговариваю, шепчу и напеваю старую-старую песенку-баюкалку от моей прабабки, для которой не надо ни слуха, ни голоса, лишь бы душа пела. Целую щёки, уже подёрнутые первой колкой щетиной, лоб со скорбной вертикальной морщинкой, прорезавшей складку между бровей, приоткрытые после крика губы, растерянно-пустые глаза, которые он сразу закрывает,

– Вот и поспи, баю-баюшки, – укачиваю, как будто исполняю древний, но вечный, неизменный ритуал, о котором не имею понятия, но он жил во мне на глубинном генетическом уровне, таился до времени, и вот проявился, – всё проходит, баю-баюшки, и это пройдёт...

В тот день мы так и не поели. Я просидела в его комнате на полу до темноты, не решаясь оттолкнуть, сдвинуть его со своих затёкших колен, боясь спугнуть. Особенно, когда заботливая Алиса решила напомнить,

– Эй, подруга, ужин ждёт! – засосало голодом в пустом желудке, немного шевельнулась, но Тим сжал мою ладонь в своей, и я так обрадовалась, что никакого ужина не надо,

– Убери обратно в холодильную камеру, или выброси, – не важно! Ведь мой мужчина держит меня за руку! Он возвращается! Так разве я могу променять это на еду?

Утро застало всё там же на полу в комнате Тима в его объятьях. Как это получилось, пропустила самым бездарным образом: проспала.

И вот лежу и ощущаю спиной его горячий живот и руки, удерживающие меня кольцом. Жарко и не очень удобно, отлежала плечо на жёстком полу, но как пошевелиться, как потревожить? Ведь он обнял меня! Жизнь продолжается!

Безумно хочется повернуться, оказаться лицом к лицу, заглянуть в глаза, или хотя бы полюбоваться спящим, как любовалась в тот месяц, что мы провели вместе в доме у реки.

Это было так здорово, так захватывающе-чудесно, наблюдать пробуждение любимого. Я немного хулиганила, касаясь пальчиком его губ или щеки, едва-едва, просто, чтобы осознать реальность случившегося чуда. Неужели я его нашла? А он такой! А он мой! Всё время хотелось подтверждения!

И просыпалась-то рань-ранецкую, когда только забрезжит рассвет, именно потому, что первой сонной мыслью было: это явь? Или приснилось? И я раскрывала глаза, чтобы увидеть. Явь!

Прямо передо мной на соседней подушке, набитой сушёными травами, расслабленное лицо моего мужчины, длинные волосы, расплескавшейся тёмной волной, густые брови, колючая небритость на щеках, манящие губы, не коснуться которых невозможно. А потом, сразу за касанием, улыбка, словно творю волшебство, оживляя спящего красавца!

Столько сказок, рассказанных прабабкой, я там вспомнила!

А потом глаза! Сначала трепет пушистых ресниц, а следом! Яркие, с россыпью мелких тёмных вкраплений вокруг зрачка, смеющиеся, любящие... любимые!

Любил ли он меня тогда? Такую, как есть: обычную женщину слегка за тридцать, без каких-либо правок и коррекций. Не выдающуюся особой яркостью или идеальностью черт. С натуральными и от этого совсем обычными средненькими формами. Верилось, что любил. Не говорил ни разу. Я сама-то призналась только когда его забирал конвой. Но, думаю, что будь по-иному, не пошёл бы со мной в неизвестность.

Совершенно необходимо увидеть момент пробуждения! Ведь тело во сне вспомнило! Вдруг он проснётся прежним? Тем самым Тимом, что сразил меня наповал своим очарованием и мужественностью, тонким юмором и мнимой суровостью, за которой такое!..

Вдруг я найду всё это в его осознанном проявившемся взгляде?

Боже! Если бы знал, Тим, как это, просыпаться уверенной, что ты рядом потому, что всю ночь тонула в жарких объятиях, и отрезвляюще-больно осознавать, что всё сон, желанный бред больной головы! И думать, как ты там? Что тебе снится? Или не снится?

Так можно сойти с ума! Но наша заботливая суперфарма предлагает отличные таблеточки для измученной души:

принял на ночь и спи спокойно, без снов, в тёмном одиночестве. Правда, голова потом тяжёлая, и усталость всё время потому, что человеческому мозгу нужна разрядка, а её не наступает, но и тут выручат новые пилюли для бодрости и чашка кофеина. Весьма полезная схемка: днём всё под контролем: лекции, студентки, мысли о работе, ночью мозг заперт таблеткой.

Вот так я от тебя отвыкала, любимый, а то хоть волком вой. Так и держалась, и воевала за тебя со всеми этими спермофермершами и их прихвостнями. И, если честно, плевать было на научные идеи потому, что, как ни дави в себе чувство, какие отравы ни принимай, всё равно, прорвётся.

Нет от любви лекарства кроме смерти, а значит, пока живы, будем бороться...

Глава 15.

Ошиблась. Рано обрадовалась. Не оказалось во взгляде Тима узнавания, только детская растерянность и неопределённость.

Слишком много захотела. Три года в изоляции, и всего одна ночь на свободе – ясно, что перевесит.

За руку держит – уже победа! А я тут чудес захотела! Чудо – это кропотливый труд и вера, как говаривала моя прабабка. Только во что верить? В справедливую Вселенную? А в чём справедливость? Остаётся поверить в него и... в любовь.

За руку веду в столовую. Ему было бы привычней получить поднос с судками прямо в свою келью, но пора выбираться из вакуума. Шаг за шагом, шаг за шагом.

Надо выкарабкиваться из-под кнопки. Если подавленный мозг перестанет получать болевые стимуляторы, то постепенно проснутся собственные задавленные инстинкты, а потом и высшая нервная деятельность вступит в свои права.

Интересно, под какой стимуляцией удалось Тима доставить домой? Он хоть и был потусторонним, но осознанно подчинялся словам. Или не осознанно? Или не словам?

Эта мысль пугает ни на шутку, так что гоню её, куда подальше, а то додумаясь. Зато заставляет лихорадочно сообщать, где найти очень высококлассную специалистку, разбирающуюся в тонкостях программирования чипов, готовую

рискнуть, но главное, своей работой не убить человека. Но это потом. А пока,

– Сейчас будем завтракать! – мой голос излучает оптимизм и ласку, словно предлагаю младенцу утреннюю кашку, а сама крепко держу руку своего великовозрастного мальчика.

Заходим в столовую, где заботливая Алиса уже распорядилась насчёт овсянки на кокосовом молоке. Но мне так хочется порадовать любимого.

Дополняю меню подогретыми ванильными круассанами и горячим шоколадом, на что получаю предупреждающий писк Айболита, и вырубаю этого цербера,

– Отдохни, дорогой, а то предохранители перегорят.

Пробуждение вкусов – это тоже шажок. А надо поскорее пройти целый путь к тому Тиму, которого помню. Скорей бы встретиться с ним вновь.

Усаживаю за стол, высвобождая ладонь. Отпускает очень нехотя,

– Я здесь! Ближе, чем думаешь, – обхватываю сзади за плечи, – и буду рядом, пока нужна тебе.

В бокал с горячим шоколадом опускаю цветную соломинку и ставлю перед ним,

– Попробуй! – глядит недоумённо и ни с места, – смотри, как я! – подаю пример.

Втягиваю в себя вязкую сладость, всячески демонстрируя сосательные движения, а потом изображаю кайф на лице, хо-

тя для меня, отвыкшей от сахарозы, сущий приторный сироп.

Он сосредоточенно повторяет, но вместо того, что ожидаю, на поверхности бокала вырастает большой мутный пузырь. Лопается, разлетающимися шоколадными брызгами на стол и Тиму на лицо. Потом ещё один, ещё, и вот уже мой взрослый мужчина, покрытый коричневыми каплями, самым недалёким образом пускает пузыри в какао!

– Ти-им! – зову, пытаюсь скрыть шок, а он отрывается на секунду от своего важного дела и озаряется совершенно непосредственной светлой, чистой улыбкой младенца, источая незамутнённый восторг.

Чёрт! Неужели всё так страшно? Это сумасшествие? Я ищу разум там, где уже нечего искать?

Но он так искренне радуется, ждёт одобрения, что ничего не остаётся, как поддержать. И я, не понимая, зачем мне это, шалея от собственного идиотизма, начинаю бурмулить в своём бокале, а слёзы сами катятся по щекам в шоколад.

Всё очень плохо. Намного хуже, чем представлялось. Просто не понимаю, что делать? Куда двигаться? Психология, как наука, на ВУЗовском уровне. Это не мой конёк. И обращаться к специалисткам страшно, вдруг скажут, что всё непоправимо? Да и какие специалистки? Нормально, скажут, самец, как самец.

Но интуиция настойчиво шепчет,

– Это всего лишь начало, он одумается и вернётся. Не

опускай рук. Это только первый шаг. Но зато уже первые эмоции, нашёл единомышленницу по играм, и какой-никакой контакт установлен. Надо верить... – и я верю...

Алиска-чертовка оказалась права: только каша и зашла, видно, по консистенции напоминает то варево, которым кормили на ферме. Втянул через край, как миленький, без всякого пульта, и снова улыбнулся, словно дитя. Я сдохну!

Сдохну, но мозги Тиму на место поставлю! Не получилось пробудить пищевые рецепторы, попробуем осязательные, обонятельные, наконец!

Но это позже. Через полчаса первая лекция для студентов. Там у меня микробиологический анализ по теме, а я не о том думаю. Все мысли сосредоточены на спасении одного человека и не от микробов.

Два академических часа тянутся хуже натурального каучука, с трудом заставляю себя глядеть в камеру монитора, не косясь на настенный таймер. И даже с «увлечением» рассказываю о старых, но всё ещё применяющихся методах исследований,

– Реакция агглютинации внешне проявляется в склеивании и выпадении в осадок корпускулярных антигенов, – заучено, как молитва, а потому не требует сосредоточенности, и мысль улетает, совсем не туда, – что там делает Тим? Он в своей комнате, куда я его вернула после завтрака. Руку отпускать не хотел. Может, заснул? Я его уложила на кровать,

для примера полежала рядом, вроде, понял. Между парами обедом накормлю, – реакция протекает в две фазы, – надо убрать этот чёртов пульт в какое-нибудь сохранное место, чтобы не потерять, – следующая реакция преципитации, – чёрт! Когда это закончится?!

Радостно простившись с первой группой студенток, поблагодарив за внимание, а в душе за то, что не стали задавать дополнительных вопросов, командую Алисе, чтобы насчёт супчика подсуетилась, а сама бегу к Тиму. По пути попадаю на глаза халат, в спешке брошенный в гостиную. Выхватываю из кармана пульт, чтобы закинуть в стол в кабинете, но это потом, сначала, как там любимый?

Глава 16.

– Ти-им! – влетаю к нему. Нахожу у окна, видно, любовался пейзажем.

Вокруг дома небольшой сад, довольно запущенный, за что я регулярно получаю замечания от службы благоустройства. Но даже под угрозой потери нескольких баллов социального рейтинга, рука не поднимается нарушить его внутреннюю дикую гармонию. А ещё мне очень нравится непроглядность снаружи, зато в глубине уютно и спокойно. Можно поваляться в гамаке или в качестве растяжки позвоночника, повисеть на перекладине по старинке, птичек послушать. Яблочки растут, правда дикие, терпкие и ужасно кислые. Но красное на зелёном смотрится очень эффектно.

Надо будет выйти с ним туда. Контакт с природой всегда благотворно сказывается на повреждённой психике, – Тим!

Оборачивается на оклик со светлой улыбкой, которая тут же смывается выражением неподдельного страха на лице,

– Ти-им! – я в недоумении, – Тимоша! – само как-то рождается от нежности.

А он, как чёрт от ладана, а у самого глаза в ужасе всё шире и шире, и взгляд устремлён к моей ладони. А в ней...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.